

П.А. Кротов. Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

«День русского Воскресения» – такими словами Петра Великого д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета П.А. Кротов предварил монографию, открывающую новые страницы великой Полтавской битвы и опрокидывающую стереотипы, сложившиеся вокруг нее. Из архивов и библиотек Санкт-Петербурга и Москвы исследователь извлек много малоизвестных и новых документальных источников, рукописных карт, гравюр, рисунков и послужных списков участников Северной войны. В книге раскрывается полководческий дар Петра I, стратегия, тактика, вооружение и качество войск соперников, рассматривается подготовка сражения, состав русской армии и иррегулярных войск на разных этапах битвы, анализируется ход битвы, соотношение сил, цена победы и поражения для противников, а также разобраны литературные легенды, которыми подчеркивалась значимость триумфа под Полтавой.

Становление Петра I как полководца поставлено в рамки военного дела от античности до начала XVIII в. Царь-реформатор был знаком с основными произведениями древнеримских историков и военных деятелей (Квинта Курция Руфа, Юлия Цезаря, Секста Юлия Фронтинна (30–103 г. н.э.), «Стратегемы» которого были переведены в 1693 г. под названием «Книга о хитростях ратных». Царь знал отрывки из «Тактики» византийского императора Льва VI Мудрого (866–912) и, по всей вероятности, труд римского теоретика Вегеция Флавия Рената, создавшего в 390–410 гг. трактат «О военном деле». По указанию Петра Алексеевича публиковались книги о военном искусстве австрийского полководца Р. Монтекуколи (1608–1681). Русский монарх следил за боевой практикой герцога Джона Черчилля Мальборо (1650–1722) и принца Евгения Савойского (1663–1736) и, конечно, короля Швеции Карла XII. С учетом античного опыта и опыта своих современников Петр сформировал армию, которая поразительно быстро вышла на уровень шведской, считавшейся лучшей в Европе, и разработал против нее эффективную тактику «огонь против стали».

Ценно уточнение численности воинских соединений и боевых потерь противников. Число реальных участников битвы со стороны Петра I, пишет историк, составляло 41 860 человек. Потери русской армии убитыми и ранеными составили 11% (4 646 человек). При этом погибших было не 1 345 человек, как принято считать, а, с учетом умерших от ран, не менее 1 507 человек. Потери шведов были в 5 раз больше – 57% (7 400 человек убитыми и 2 973 пленными). Историк верно констатирует, что «потерпев столь грандиозный ущерб», шведская армия ни в коем случае не могла оправиться. Однако в связи с этим нелогично выглядит противоположное утверждение, что после бегства к своему обозу у деревни Пушкаревки, король Карл XII якобы питал надежду на «победную концовку» – там «раненый шведский лев» мог бы продемонстрировать «знаменитый кавалерийский удар каролинцев» (с. 260). После сокрушительного разгрома можно было только спастись в Крымском ханстве и как раз такое верное решение принял Карл XII и Левенгаупт. Шведы оставили россыпь мемуаров о «русском походе» 1707–1709 гг., но никто из них не вспоминал о возможности возобновления битвы у Пушкаревки.

В 1959 г. военный историк Е.Е. Колосов доказал, что основной урон шведам нанесли 102 орудия Я.В. Брюса. В дополнение к этому автор выявил 20 мортир, представлявших орудия 3-фунтового калибра с приваренными к завершению дульной части стальными цилиндрами 6-фунтового калибра. Они могли вести стрельбу как 6-фунтовыми гранатами, так и 3-фунтовыми ядрами. Зачислив в состав русской артиллерии 160 переносных 6-фунтовых мортирок и 28 пушек Полтавы, Кротов считает, что в битве было задействовано против 4 шведских 310 (!) русских орудий. Но медные ручные мортирки голландского военного инженера Минно де Кегорна («Кугорного манира»), спроектированные в 1674 г., были оружием пехоты и кавалерии, но не артиллерии. Мортирки имели цилиндрическую камору с шаровым дном и стреляли недалеко гранатами. Поражающая способность таких мортирок уступала пушкам. Они имелись и у шведов, но

не учитывались ими как артиллерийские орудия. Кроме того, не все 28 полтавских пушек в момент битвы стреляли в сторону сидевших в осадных траншеях к югу от крепости двух шведских полков (1 100 человек). Если по количеству орудий русские, как пишет Кротов, превосходили шведов более, чем в 50 раз, то автор должен бы объяснить, как при таком чудовищном превосходстве эффективность боя соперников оказалась одинаковой – 25%, т.е. каждая сотня русских (или шведов) вывела из строя убитыми и ранеными (пленными) по 25 человек противника (с. 284).

Эффективность боя зависит от соотношения потерь и числа участников сражения. (Эффективность вылазки 1 500 человек полтавского гарнизона против шведских шанцев у Ворсклы следует подсчитывать отдельно от полевой битвы, гремевшей в 4–5 км от Полтавы.) Разногласий между российскими и шведскими историками по поводу шведской кавалерии нет – на поле боя было выведено 7 800 всадников-каролинцев (109 эскадронов). Однако численность шведской пехоты до сих пор вызывает споры. Историки Швеции, заинтересованные в ее преуменьшении, указывают 8 200 человек (18 батальонов), т.е. всего на битву было выведено 16 тыс. человек. Опираясь на воспоминания лейтенанта Ф.Х. Вайе, численность пехоты во втором периоде битвы они оценивают в 4–4,5 тыс. человек. Но тот же Вайе уверял, что только регулярные силы русских составляли 80 тыс., а у шведов здоровых и дееспособных было не более четверти от этого числа¹. Английский посланник при дворе шведского короля Дж. Джеффрис сообщил 9 июля (н.ст.) в Англию о 21–22-тысячной шведской армии, участвовавшей в сражении². Очевидец, прусский тайный советник, подполковник и дипломатический представитель при армии Карла XII барон Д.Н. Зильтман, который в битве неотлучно был при короле, расценивал число шведов, изготовившихся к нападению, в 24 тыс. человек³. Шведский Генеральный штаб рассчитал общую численность армии в 24 700 человек, из которых 22 450 были боееспособными, а с нестроевыми, канцелярскими служителями и т.д. – около 28 тыс. человек⁴. Если принять, что 22 тыс. шведов вывели из строя 4 646 русских воинов убитыми и ранеными, то эффективность шведов получится 21%. Согласно «Истории Свейской войны» под Полтавой насчитали 9 234 убитых и 2 973 пленных шведов, в таком случае эффективность русской армии (без учета вылазки полтавского гарнизона) будет 30%.

Трудно согласиться с автором, что русское командование уже в апреле 1709 г. наметило «обязательное полное пленение Шведской

армии» (с. 75). Главной целью было освобождение Полтавы и Малороссии от оккупантов и выдавливание их за Днепр. «Полное пленение либо истребление шведов... на берегу Днепра» (с. 139) тоже не замышлялось до битвы 27 июня. Исследователь правильно констатирует, что «генеральная битва в наступательном варианте – в открытых полях – не сулила Петру I столь малокровной и полной победы, как это случилось при воплощении оборонительного, выжидательного сценария битвы» (с. 189). У деревень Семеновка и Яковцы врага пытались выманить на штурм укреплений, сдержать огнем на редутах и нанести фланговые удары пехотой и конницей с обеих сторон лагеря.

Неустойчива гипотеза искушения шведов «золотым мостом» отступления, чтобы не спровоцировать «отваги отчаяния» под Полтавой. Насколько вся операция с 4 по 27 июня была Петром I хорошо продумана, настолько после победы все решения принимались экспромтом. Верно, что русские даже после захвата Переволочны 18 апреля и разорения Чертомлыцкой Сечи 14 мая не сбили шведские посты, занимавшие путь на юг вдоль Ворсклы на расстоянии в 55 км до Кобеляк. Но под Полтавой русское командование не собиралось дарить «золотой мост» врагу, напротив, к топям, плетням и хатам деревень Иванченцы и Малые Будыщи оно добавило лесной завал и поставило там казаков. Шведов обратили в бегство не искусно устроенным «золотым мостом», а всей мощью русской армии.

Автор принял на веру ошибочный тезис историка В.Е. Возгрина о том, что «главная часть военных сил хана» Девлет Гирея II с начала лета и до августа 1709 г. якобы стояла на р. Самаре и даже у Кобеляк – всего в 55 км от Полтавы (с. 72–73, 291). 21 июня шведское командование через полковника Валашского полка С. Колцу получило окончательную весть, что ни крымская орда, ни подкрепления из Польши не придут на помощь, но для поддержания духа шведам было сообщено, что 40 тыс. крымских воинов вот-вот присоединятся к королевской армии. Ни в шведских, ни в русских источниках нет сведений о крымцах в полусотне километров от Полтавы. Русская погоня во главе с М.М. Голицыным и А.Д. Меншиковым, пройдя 28–30 июня путь до Днепра, не встретила ни одного татарского воина.

Форма русского лагеря для пехоты и артиллерии площадью в 50–60 га до сих пор спорна (автор ошибочно подсчитал, что тот занимал площадь в 6 кв. км, т.е. примерно 2,4 × 2,4 км). Традиционно считается, что форма была трапецевидной, но Кротов полагает,

что ретраншемент был прямоугольным (с. 121). Идеально ровный вид лагеря вычерчивался на всех «парадных» схемах баталии, но можно допустить, что 25 июня фашины для валов набрасывались в спешке, выверять прямые углы и точные расстояния между реданами было некогда и ретраншемент, скорее всего, выглядел неправильным многоугольником, таким, как показано на первичных схемах генерала Л.Н. Алларта 1709 г., а также картографа де Фера и инженера-архитектора Х.Я. Шварца. Система редутов была в виде буквы «У», а не «Т», к настоящему времени это можно считать доказанным.

Исследование Полтавского сражения далеко не закончено. Идея автора о том, что Петр заранее задумал выманить шведов прорываться через редуты, безупречно и логична (с. 134). Однако отечественные историки не знали высказывание царя от 18 июля 1709 г., обращенное к плененному генерал-майору К.Г. Кройцу, которое тот записал в своей «реляции». Царь говорил, что он был уверен – редутная система настолько надежно перекрыла дефиле к русскому лагерю, что шведы пойдут на ретраншемент напрямик по плато вдоль обрыва над Ворсклой. Приступ к редутам царь счел ложной атакой и его отказ подкрепить конницу Меншикова, успешно отражавшую противника у редутов, был вызван угрозой удара со стороны Яковцов. Кротов правильно указывает, что петровская тактика была противоположна шведской – в ее основе лежало отражение противника огнем из пушек и ружей, но при этом можно бы добавить, что, начиная с битвы при Лесной, русские овладели и шведской ударной тактикой.

Самым тревожным моментом в битве для русского командования было отступление галопом драгун Р.Х. Боура мимо русского лагеря за балку Побыванку, вопреки приказу царя встать как можно ближе к пехоте. Тогда русская конница унеслась на 2 км к северу от ретраншемента и оказалась отсеченной от пехоты. Правое крыло преследовавшей кавалерии Кройца быстро пронеслось мимо стрелявших орудий и нанести ей потери «продольным огнем во фланг из ретраншемента», как пишет автор (с. 180, 209, 214), было невозможно. «Оседлании» Боуром дороги к бродам у д. Петровки произошло случайно. Не было и предварительного плана глубокого обхода и охвата шведов русским «правым флангом с угрозой выхода шведам в тыл и окружения» (с. 238). Данный тезис противоречит авторской гипотезе «золотого моста». Русская первая линия была длиннее и, естественно, она полумесяцем охватила шведов. Твердо помня, что шведы будут пытаться развалить строй сквоз-

ным прорывом, русское командование думало только об одном – устоять и сбить врага с поля. Об окружении, уничтожении армии Карла XII, о прорыве шведской линии по центру или о преследовании противника поначалу думать не приходилось.

Допустимо включать в полевую битву под Полтавой полтавский гарнизон, совершивший вылазку против шведов, но невозможно согласиться с автором, что украинские казаки и вооруженные горожане не участвовали в обороне Полтавы. Шведские очевидцы оставили массу воспоминаний, как украинские казаки сражались против них в Веприке, Тернах, в Стародубе и в целом на Гетманщине.

Вряд ли можно сомневаться в геройской контратаке Петра I. По тогдашним уставам военачальники следили за боем, находясь позади первой линии. Если шеренги первой русской линии прикрывали военачальников, то пистолетная пуля не могла бы впитаться в седло Петра I. Узнать царя в пылу битвы, как полагает автор, шведы не могли, но в мчавшегося офицера, на мундире которого выделялся офицерский шарф, несколько солдат палили почти в упор. Даже при гибели царя битва окончилась бы русской победой, настолько основательно она была подготовлена, к тому же Меншиков и другие генералы, несомненно, dokonчили бы разгром. И даже представив немыслимое – поражение русских, шведам был заказан путь к русской столице. Ведь Карл XII понимал, что немедленного возмещения марша на Москву для диктата там своих условий его измотанная армия не выдержит.

Излишне строг автор к литературной славе Полтавской битвы, сложившейся после великой победы. Стремясь подчеркнуть доблесть войск Петра I, официальная «Гистория Свейской войны» и «Журнал» доктора права Г. фон Гюйсена, умолчали о шведском прорыве первой русской линии. Но об этом вспоминали капитаны шведской лейб-гвардии Г. Гадде, Л. Тисенстен, Й. Оллер⁵. Генерал А.Л. Левенгаупт писал: «Враг бежал перед нами прежде, чем мы дали залп, бросив две пушки... Та часть противника, которую мы сначала погнали, увидев, что наше левое крыло бежит, снова вернулась и так глубоко врезалась между нашим правым и левым крылом, что я был совершенно отсечен от правого фланга»⁶. В памяти русских участников битвы вполне мог держаться эпизод об окончательном расчленении фронта шведской пехоты царем, предпринявшим успех битвы, и это зафиксировал восторженный почитатель Петра I, писатель и коллекционер П.Н. Крекшин в 1753 г. (Полтавская битва описана шведскими историками

по поздним нарративным источникам, которые также можно ставить под вопрос).

Кротов справедливо доказывает реальность речи Петра I перед решающим боем. Суть пламенного обращения царя об ответственности воинов за судьбу государства прекрасно изложил своими словами ректор Киево-Могилянской академии Феофан (Прокопович). После вдохновенного призыва монарха некоторые солдаты срывали кафтаны, требуя скорее вести их в бой! Нельзя ставить под сомнение и заздравный тост полководца-победителя за «шведских учителей», ведь русский царь всегда высоко ценил шведское военное искусство.

В целом труд П.А. Кротова представляет новый шаг в исследовании Полтавского сражения, изучение которого будет продолжаться и дальше.

**В.А. Артамонов, кандидат
исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечания

¹ *Weihe Fr.Chr. Ljötanten Fr.Chr. von Weihe's dagbok 1708–1712* // *Historiska handlingar*. Stockholm, 1902. Del. 19. N 1. S. 56.

² *Jeffreyes J. Captain James Jeffreyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army 1707–1709*. *Historiska handlingar*. Stockholm, 1953. N 35/1. P. 78.

³ *Jägerskiöld S. Hågra aktstycken av David Natanael von Siltmanns hand rörande verksamheten vid Svenska armén 1708–1709* // *KFÅ*. 1937. S. 171.

⁴ *Karl XII på slagfältet*. Bd. 3. Stockholm, 1918. S. 787.

⁵ *Нильссон Б. Шведские документальные источники по истории завершающей части русского похода Карла XII и Полтавской битвы* // *Военно-исторический журнал*. Старый цейхгауз. 300 лет Полтавскому сражению. Специальный совместный выпуск. М., 2009. С. 101; *Öllers J. Kapten Öllers relation* // *Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor*. Stockholm, 1952. S. 340.

⁶ *Lewenhaupt A.L. Op. cit.* S. 243–245.

Ярославская губерния в начале XIX века. Материалы историко-статистических описаний. Серия: Ярославский исторический архив. Кн. 1. Ярославль, 2008. 304 с., ил., 6 вкладок (планы)

Топографические описания наместничеств и губерний XVIII – начала XIX в. и сопровождающий их картографический материал представляют собой исключительно ценные исторические источники. В первую книгу «Ярославского исторического архива» вошли опубликованные в середине XIX в. на страницах «Ярославских губернских ведомостей» «Топографическое описание Ярославской губернии» 1803 г., «Нравы и обычаи ярославских купцов, мещан и мастеровых в начале XIX столетия», а также очерк Ф. Шмидта «Ярославль в 1809 году». Все тексты логично объединены общей проблематикой: история Ярославской губ., ее городов и населения в начале XIX в. Основную работу по подготовке издания выполнили сотрудники Государственного архива Ярославской области – главный редактор журнала «Ярославская старина» Я.Е. Смирнов (редактор-составитель) и С.В. Севрюкова. Смирновым была написана также обширная вступительная статья, всесторонне характеризующая публикуемые источники и их археографические особенности.

«Топографическое описание Ярославской губернии», впервые опубликованное в 1853–1855 гг. по инициативе редактора неофициальной части губернских ведомостей известного

ярославского краеведа Ф.Я. Никольского, до настоящего времени не использовалось в научной литературе, поскольку отсутствовали какие-либо сведения о происхождении и времени создания данного текста, если не считать подзаголовка («Современные записки 1802 года») и нескольких упоминаний о состоянии того или иного города в 1802 г. Ничего не писал про него и географ А.Б. Дитмар, выявивший 9 рукописных топографических описаний Ярославской губ., созданных в 1784–1800 гг. Смирнов впервые установил, кем, когда и при каких обстоятельствах оно было составлено, сравнил его с предыдущим топографическим описанием Ярославской губ. и проанализировал все имеющиеся в нем дополнения.

Подготовка нового описания была связана с присылкой в 1802 г. в Ярославль анкеты Вольного экономического общества (ВЭО), отличавшейся основательностью и систематичностью и поддержанной 10 апреля 1802 г. указом Александра I, исполнение которого возлагалось на ярославского гражданского губернатора кн. М.Н. Голицына. По его поручению работа была выполнена группой из 5 человек во главе с губернским землемером надворным советником И.И. Сергеевым. Хотя упоминаемые в описании события ограничи-